

A woman with long dark hair, wearing glasses and a grey sweater, is sitting on a striped couch and reading an open book. The scene is dimly lit, with a warm, golden light source visible in the background. A potted plant is on a table behind her. The overall mood is quiet and contemplative.

Тишина внутри шума

Роман

Виктория Матвеева

Виктория Матвеева

Тишина внутри шума

«Автор»

2026

Матвеева В.

Тишина внутри шума / В. Матвеева — «Автор», 2026

Мира — редактор глянцевого онлайн-журнала. Ей двадцать девять. У неё сорок семь приложений в телефоне, три личных аккаунта и жизнь, собранная из сторис. Лев — архитектор, который делает макеты из дерева и картона. Ему двадцать шесть. У него одна фотография в соцсетях и подпись «живу офлайн». Они любят друг друга. Но живут в разных мирах: она — в ленте, он — в реальности. Когда Лев уходит, Мира впервые остаётся наедине с собой. Без уведомлений, лайков и чужих голосов. Она выключает телефон. И обнаруживает, что за шумом всё это время была тишина. А в тишине — она сама. «Тишина внутри шума» — роман о том, как мы теряем себя в цифровом мире и как находим обратно. О любви, которая не уместается в переписку. О праве на тишину, скуку и настоящую жизнь.

© Матвеева В., 2026

© Автор, 2026

Виктория Матвеева

Тишина внутри шума

Пролог

23:47. Чат «Мира и Лев».

Лев: Ты снова не заметила, как я пришёл.

Мира: Я заметила. Просто доделывала пост.

Лев: Я стоял на кухне и смотрел на тебя четыре минуты. Ты ни разу не подняла голову.

Мира: Ну прости. Дедлайн.

Лев: У тебя всегда дедлайн. Даже в два часа ночи.

Мира: Ты же знаешь, у меня работа такая.

Лев: Работа — это когда ты пишешь тексты. А когда ты бесконечно скроллишь ленту — это не работа. Это зависимость.

Мира: Лев, давай не будем.

Лев: А когда будем? Когда я уйду?

Мира: Ты не уйдёшь.

Лев: Уже ушёл.

Сообщение прочитано. 23:58.

Мира: В смысле ушёл?!

Лев в сети. Лев печатает...

Лев удаляет сообщение.

Лев выходит из сети.

Чат «Мира и Лев» удалён.

Она перечитала переписку раз десять. Потом ещё раз. Экран светился в темноте, как аквариум с мёртвой рыбой. В комнате пахло вчерашним кофе и немного — его одеколоном. Или ей просто казалось.

Мира отложила телефон. Потом взяла снова. Открыла чат. Закрыла. Открыла другой чат — с подругой, но писать не стала. Просто листала вверх, вниз, вверх, вниз. Палец двигался сам.

Где-то за стеной соседи смотрели телевизор. У них громко работал канал с новостями. Мира лежала и слушала обрывки: что-то про курс, что-то про погоду, что-то про конец недели.

Она не плакала. Ей было пусто. Так пусто, будто из неё вынули всё, что держало изнутри.

А потом она сделала то, чего не делала уже много лет.

Написала сообщение. Не в чат. В заметки.

«Я не знаю, кто я без телефона. И это самое страшное».

И сохранила.

Она лежала и смотрела в потолок. Телефон лежал рядом, экраном вниз. Мира знала, что если перевернуть — увидит уведомления. А если не перевернуть — увидит себя. И это было страшнее.

Она выбрала темноту.

Часть 1. Цифровое зеркало

Мира просыпалась не от солнца. От вибрации.

Телефон лежал под подушкой — так делают все, кто боится пропустить что-то важное. Экран загорелся в 7:03. Первое, что видела Мира каждое утро, — не потолок, не небо за окном, а ленту новостей.

Она лежала, не открывая глаз, и слушала, как вибрирует телефон. Он звал её, как ребёнок, который проснулся раньше матери. Мира знала, что через минуту сдастся. Она всегда сдавалась.

Экран вспыхнул. Соцсети, мессенджеры, почта, новости. Двести сорок семь уведомлений за ночь. И ни одного по-настоящему важного.

Ей было двадцать девять. Она работала редактором в крупном онлайн-журнале, вела три личных аккаунта и один рабочий, знала все тренды на месяц вперёд и могла отличить хороший свет от плохого с первого взгляда.

Она была красива той самой красотой, которую видно в сторис, но трудно разглядеть вживую: лёгкая небрежность, идеально растрёпанные волосы, брови, нарисованные так, будто их не рисовали вовсе.

Лев говорил, что она похожа на актрису из старого французского кино. Мира не смотрела старое французское кино, но ей нравилось, как он это говорит. У него был низкий голос и привычка слегка улыбаться, когда он говорил о чём-то серьёзном. Мира сначала думала, что он смеётся над ней. Потом поняла — просто так устроено его лицо.

Она села в кровати. В комнате было темно, хотя за окном уже светало. Плотные шторы не пропускали солнце — их купила Мира, чтобы снимать контент с правильным светом. Теперь она жила в полумраке, как в кинотеатре, где единственный экран — телефон.

— Доброе утро, — сказала она вслух.

Умная колонка в углу загорелась синим.

— Доброе утро, Мира. Сегодня ожидается дождь. У вас запланирована встреча в одиннадцать. Вы плохо спали.

— Спасибо, — сказала Мира.

Она не знала, зачем разговаривает с колонкой. Наверное, потому что больше было не с кем.

Лев... Она вспомнила о нём только когда телефон снова завибрировал. Это было уведомление из банка.

Она не видела Льва три дня.

Вернее, видела. В мессенджере. Он писал: «Доброе утро». Она отвечала эмодзи. Он спрашивал, как дела. Она присылала мем. Он звал гулять. Она говорила: «Может, на выходных? Сейчас много работы».

Работы было много. Но не настолько. Просто Лев хотел разговоров, а Мира хотела тишины. Хотя нет — не тишины. Она хотела скроллинга. Это не одно и то же.

Скроллинг — это белый шум. Он заглушает мысли. А Лев, наоборот, заставлял её думать. И чувствовать. А этого Мира боялась больше всего.

Потому что если начать чувствовать — придётся признать, что её жизнь не такая идеальная, как в ленте. А это страшно.

Но сегодня всё было иначе. Сегодня Лев не написал.

Мира посмотрела на экран. Пусто. Только уведомления от приложений, которые напоминали ей, что она должна выпить воды, сделать растяжку, помедитировать, проверить статистику, выложить пост, ответить на комментарии.

Телефон хотел её внимания. А она вдруг поняла, что хочет только одного — чтобы Лев написал.

Но он не писал.

Она встала с кровати. Прошла на кухню. Там было пусто и слишком чисто. Лев всегда оставлял на столе крошки от хлеба, который резал сам. Сегодня крошек не было.

Мира открыла холодильник. На полке стоял йогурт, купленный Львом. На упаковке — стикер: «Съешь меня. Люблю. Л.»

Она смотрела на этот стикер дольше, чем на любой пост в ленте.

А потом сделала глоток остывшего кофе из вчерашней кружки и снова взяла телефон.

Лев был странным для своего времени. Ему было двадцать шесть, он работал архитектором, но не в модном бюро, а в маленькой мастерской, где делали макеты зданий из дерева и картона — руками.

Он не вёл соцсети. Вернее, у него был аккаунт с одной фотографией и подписью «живу офлайн». Мира сначала думала, что это проза. Потом поняла — нет.

Лев действительно жил офлайн.

Он покупал продукты на рынке, у бабушек, и знал их по именам. Он ходил в библиотеку за книгами. Он звонил по телефону, а не писал сообщения. Когда Мира впервые услышала его голос в трубке, она растерялась — за год отношений они почти не разговаривали вслух.

— Ты странный, — сказала она ему на третьем свидании.

— Почему?

— Ты не снимаешь еду на камеру.

Он рассмеялся:

— А зачем?

— Чтобы помнить.

— Я помню вкус. Мне достаточно.

Тогда Мира почувствовала что-то, похожее на зависть. Она не помнила вкус еды. Она помнила только фильтры, под которыми эта еда выглядела лучше.

Лев был другой. Он жил в мире, который можно потрогать. А Мира — в мире, который можно только лайкнуть.

Они познакомились случайно. Мира снимала сторис в парке — «городская эстетика», «осень в большом городе», «кофе и листья». Она наткнулась на Льва, который сидел на лавочке и читал бумажную книгу.

— Вы не боитесь, что я вас сниму? — спросила она.

— А вы не боитесь, что я вас прочитаю? — ответил он.

Она рассмеялась. Он нет.

Так они начали разговаривать. И не остановились до темноты.

Потом Лев рассказывал, что в тот вечер он забыл, зачем пришёл в парк. Что он просто сидел и слушал её голос. Что она показалась ему «слишком красивой для этого города». Мира тогда не поверила. Она вообще не верила комплиментам, которые не собирали лайки.

Но что-то в нём было. Что-то очень спокойное. Рядом с ним хотелось выдохнуть.

И она выдыхала. Иногда. Когда забывала про телефон.

— Почему ты не выкладываешь наши фото? — спросила она однажды.

— Потому что наши фото — это не контент. Это жизнь.

— Но все выкладывают.

— Все — это не мы.

Мира закатила глаза. Но где-то глубоко внутри она понимала: именно за это она его и полюбила. За то, что он не «как все». За то, что рядом с ним она могла не притворяться.

Правда, с каждым месяцем это «могла» становилось всё труднее.

Офис, где работала Мира, находился на двадцать третьем этаже стеклянной башни. Оттуда открывался красивый вид на город, но никто из сотрудников его не замечал. Все смотрели в экраны.

Мира приходила в десять, садилась за свой стол, открывала ноутбук и исчезала до вечера. Совещания, планёрки, правки, созвоны, чаты, дедлайны. Её работа выглядела красиво в резюме: «редактор lifestyle-направления». По факту она целыми днями придумывала заголовки для статей, которые никто не читал, и посты для соцсетей, которые никто не досматривал.

— Контент должен быть вирусным, — говорила начальница. — Люди хотят лёгкого, быстрого, красивого. Дай им это.

Мира давала. Она знала все алгоритмы, все тренды, все фишки. Она могла превратить любую ерунду в пост, который соберёт десять тысяч лайков. Но с каждым месяцем ей всё труднее было вспоминать, зачем она это делает.

В тот день, когда Лев ушёл, Мира выложила пост про «осознанность». Фото: чашка матча, блокнот, сухие цветы. Подпись: «Умение замедляться — это суперсила нашего времени».

Она выложила его в перерыв между планёрками. Пока пост набирал лайки, Мира сидела в кабинке туалета и плакала.

Она не знала, почему плачет. Просто вдруг накатило. Она смотрела на экран, на растущие цифры, и чувствовала себя самой одинокой женщиной в этом городе.

Потом она вытерла слёзы, поправила макияж и вернулась на планёрку.

Никто ничего не заметил.

Их квартира была метафорой их отношений.

Половина Миры: зарядные устройства, кольцевая лампа, штатив, коробка от нового айфона, умная колонка, умные часы, умный свет, который она включала голосом.

Половина Льва: деревянная доска для хлеба, которую он вырезал сам, бумажные чертежи, карандаши, книги с закладками — бумажными, не электронными, — и старая кофемолка, которую нужно было крутить рукой.

Однажды Лев сказал:

— Знаешь, мы как будто из разных эпох. Ты из 2026-го, а я — из 1996-го.

— И что? — спросила Мира, не поднимая глаз от телефона.

— И ничего. Просто иногда мне кажется, что мы не слышим друг друга сквозь время.

Мира хотела ответить. Но в этот момент ей пришло уведомление — кто-то прокомментировал её пост. Она улыбнулась экрану.

Лев смотрел на неё и молчал.

Но было и другое. То, о чём они не говорили вслух.

Лев умел слушать. Когда Мира рассказывала о работе, о ссорах с начальницей, о том, как устала, — он не перебивал. Он просто смотрел на неё и кивал. Иногда брал её руку в свою и сжимал.

А Мира... Мира не умела слушать даже себя.

Она могла говорить о чём угодно, но не слышала главного — того, что внутри. Того, что болело. Того, что хотелось кричать.

Лев это чувствовал. И от этого уставал больше, чем от её телефона.

Однажды он сказал:

— Ты как радио, которое всегда включено. Но никто не слушает. Даже ты сама.

Мира тогда обиделась. Сказала, что он её не понимает. Что у неё ответственная работа. Что все сейчас так живут.

Лев не спорил. Он просто вышел на балкон и стоял там в темноте, пока Мира снимала сторис про «осознанность».

Это случилось в пятницу.

Мира снимала контент для бренда. Нужно было показать «идеальное утро»: чашка латте с сердечком, свежие круассаны, книга на подоконнике, уютный плед, солнечный свет.

Лев стоял на кухне и ждал, когда освободится стол, чтобы поставить на него свою тарелку с яичницей.

— Подожди, — сказала Мира. — Сейчас досниму.

Он подождал. Минуту. Две. Пять.

— Мира, я просто хочу поесть.

— Я почти закончила.

— Ты фотографируешь еду уже двадцать минут.

— Это работа!

— Это не работа. Это перформанс. Мы едим холодную яичницу, потому что ты делаешь вид, что у нас идеальная жизнь.

Она выключила камеру. Резко.

— А что в этом плохого? — спросила Мира. — Все так живут.

— Все — это не мы.

— Значит, мы должны жить хуже?

— Мы должны жить настоящими.

Он взял свою тарелку и ушёл в комнату. Мира осталась на кухне. В кадре всё ещё стоял «идеальный» завтрак. Вне кадра — она, злая, уставшая, голодная.

Она посмотрела на фото и впервые за долгое время подумала: кого я обманываю?

Ночью они лежали в одной кровати и молчали. Мира хотела заговорить, но не знала, с чего начать. Лев хотел заговорить, но боялся, что она снова уткнётся в телефон.

Так они и уснули — вместе и порознь.

А утром Лев собрал рюкзак.

— Я поживу у друга, — сказал он.

— Надолго?

— Пока ты не решишь, кто тебе дороже — я или твой телефон.

— Ты же не серьёзно.

— Я серьёзно, Мира. Я устал быть фоном для твоих сторис.

Он вышел. Мира осталась в пустой квартире. Вокруг — идеальный порядок, который она устроила для съёмок. На столе — остывший кофе.

Она взяла телефон. Открыла чат. Написала: «Вернись». Стёрла. Написала: «Ты неправ». Стёрла. Написала: «Мне без тебя плохо». Стёрла.

А потом сделала то, что делала всегда, когда было больно, — открыла ленту и провалилась в неё на три часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.